

Автор представлен членом Художественного совета **Михаилом Шербом**

Бахилы

Ну, слава Богу, есть монетка и теперь
в руке с бахилами заветный коробок.
По коридору и направо где-то дверь -
Семерка косо (не косой!) легла на бок.

Перед палатой помолился и надел
улыбку бодрую - нашел под бородой.
И веря взгляду самой мертвой из надежд,
ее представил вновь красивой, молодой.

За дверью пусто, и прокрустова кровать
капкан ячеистый готовит до поры.
А красноглазый врач, стараясь не хромать,
лишь головой качая, двинулся к другим...

Улыбкой жалкой спазмы в горле затянув,
не выбираешь по дороге мест сухих.
И улыбаются прохожие тому,
как ты, скользя, идешь, смешных не сняв бахил.

Добро и Буран

Маму мою зовут Добро.
Папу звали Буран.
Добрый Буран отбуранил давно,
и тихо теперь по утрам.

Годы накиннули сеть на Добро,
тянут из дома ее.
А над Бураном черный габбро
и розы, почти миллион.

Я вижу, когда улыбнется Добро,
слабеет стальная сеть.
Эта Добро - от Бурана ребро,
и крепче той кости нет.

Паук

язык на хорошее заостенел
а гордость лежит на пороге
и мертвый паук на проклятой стене
меня пародирует вроде
а слово не бог раз такие слова
сгущаются около мысли
и мыслью простреленная голова
зарыта в сатиновых листьях
белеет могущественный аспирин
луны на нечаянном пульсе
и может сквозняк из открытой двери
но мертвый паук шевельнулся

А ты идешь, и за тобой светло.
Мурлычет клевер, тронутый ладонью.
И дождь разносит мокрую метлой
твой след полынный, сладкий и бедовый.
Шаги сминают свежую печаль.
Стихает хруст ломающихся копий,
когда я пью смородиновый чай
в оставленных тобою теплых копнах.

И в сотый раз я поле перейду,
набирая ковыль поступков колкий.
А ты уже почти не на виду,
и мне искать в стогах твои иголки.
Я окунусь в ручей родных кровей,
молитвы бормоча до отупенья.

А ты идешь по лестнице наверх,
и опадают желтые ступени.

Накануне 32-го

как-будто проткнут небеса
макушки жестоких буденовок.

чтоб спрятать слезу побежденного,
горняя хлынет слеза.

на крышу
[а ты увезен]
залезть и увидеть по-новому,
как в общем потоке соленом
ты стал неизвестной слезой.

а кони выносят к бугру.
глаза трешь, пытаешься насухо.
"прощай" и лепешка за пазухой
до крови царапают грудь.

сквозь пляску опричных ветров -
дорога до севера крайнего.

за выцветшим духом баранины
выветривается и твой.

Мальчик

Как просто солнце рисовать,
кружок оранжевым закрашивать фломастером.
Под солнцем мальчика, собак.
И мальчик учит их простому и прекрасному.
И для собак насущный хлеб –
чтоб этот мальчик вечно мальчиком остался бы...

А мальчик жжет фамильный герб,
а мальчик лучше всех собак уже натасканный...

Горит очаг,..
дом,
город,
мир,
и дымом все летит в Эдем к кому-то жалиться...

И снова – мальчик.
Он – кумир.
И день шестой тысячелетия продолжается.